

Глушков Александр Владимирович

**СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРЕССИВНОГО
НАЦИОНАЛИЗМА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ**

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена на кафедре новейшей истории России ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель:

Лукьянов Михаил Николаевич

д-р исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты:

Репников Александр Витальевич

д-р исторических наук, профессор, заместитель начальника Центра документальных публикаций ФКУ «Российский государственный архив социально-политической истории»

Антошин Алексей Валерьевич

д-р исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Департамента международных отношений Института социальных и политических наук ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Ведущая организация:

ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук»

Защита состоится «12» октября 2016 года в 10.30 ч. на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1101).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1101).

Электронный вариант диссертации и автореферата размещён на официальном сайте Института истории и археологии УрО РАН по адресу: <http://www.ihist.uran.ru/diss/info>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
д-р исторических наук

Е.Г. Неклюдов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы. В 2015 г. исполнилось 100 лет со дня создания Прогрессивного блока, объединившего либеральные и умеренно-консервативные группировки Государственной думы и Государственного совета Российской империи. Ориентация на консервативно-либеральный консенсус чаще всего ассоциируется с политической практикой западных демократий, тогда как в России для отношений между консерваторами и либералами всегда был более характерен конфликт. В этой связи тесное сотрудничество части российских консерваторов и либералов в период Первой мировой войны кажется опытом исключительным.

Важнейшей предпосылкой возникновения либерально-консервативного большинства стал раскол думской фракции националистов, в результате которого сторонники консервативной реформы – прогрессивные националисты – заняли место на правом крыле думской оппозиции, объединившей абсолютное большинство депутатов. Представляется, что прогрессивные националисты успешнее других консерваторов адаптировались к условиям модернизации и новым правилам политической игры. Олицетворяя реформаторскую тенденцию в российском консерватизме военного времени, они пытались нащупать «средний путь» между революцией и реакцией.

Очевидно, анализ обстоятельств объединения центристских сил и причин провала их попытки перехватить инициативу у революции представляет не только академический интерес, но и может способствовать поиску путей обеспечения социально-политической стабильности в современной России, где не прекращаются споры между «патриотически» и «либерально» настроенными элементами.

Степень изученности темы. Триумф большевиков в 1917 г. надолго предопределил интересы исследований, обусловив повышенное внимание к истории большевизма и гораздо меньшее – к другим политическим партиям и движениям. Особенно «не повезло» в этом отношении консервативным политическим объединениям, в особенности, националистам: первое

отечественное монографическое исследование о российском политическом национализме появилось лишь в начале нового тысячелетия¹. Тем не менее, многие важные аспекты исследуемой в диссертации проблематики нашли свое отражение в работах историков предшествующих десятилетий.

Представляется возможным выделить три основных этапа в исследовании темы: 1917 г. – сер. 1960-х гг.; сер. 1960-х – кон. 1980-х гг.; кон. 1980-х – начало 1990-х гг. – настоящее время.

Первые шаги к анализу темы были предприняты современниками, пытавшимися выявить особенности прогрессивного национализма по сравнению с другими консервативными течениями. В этой связи особый интерес представляет точка зрения известного писателя и публициста В.Г. Короленко, который увидел в прогрессивном национализме выражение «неоконсерватизма» – адаптации консерватизма к реформированному в период революции 1905–1907 гг. политическому порядку².

В 1920-е гг., в эпоху становления советской историографии, русский национализм и его разновидности рассматривались в контексте истории правых политических течений. Авторы первых работ на эту тему стремились продемонстрировать несостоятельность правых сил. Первыми специальными работами, непосредственно посвященными националистам, стали биографические очерки Д.Д. Заславского о В.В. Шульгине³.

В 1930–1950-е гг. о националистах вообще и прогрессивных националистах в частности советские историки писали мало. В общем виде оценку их роли в Прогрессивном блоке дали А.Я. Грунт и Е.Д. Черменский⁴. Они полагали, что переход части националистов во главе с Шульгиным на сторону либералов стал продуктом сближения помещиков и буржуазии в ответ на назревание революционного кризиса в стране.

---

¹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

² А.Г. Короленко. Новейшая русская история по В.В. Шульгину. Русские ведомости. 1917, №2.

³ Заславский Д.И. Рыцарь черной сотни Шульгин. Л., 1925; Он же. Рыцарь монархии Шульгин. Л., 1927.

⁴ Грунт А. Прогрессивный блок // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 108–117; Черменский Е.Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959.

Определенный интерес эта проблематика вызывала и у историков-эмигрантов первой волны. В общем виде вопрос об отношении националистов к политической ситуации, сложившейся под влиянием военных неудач весны 1915 г., затронул в «Истории второй русской революции» П.Н. Милюков, принимавший поддержку умеренными консерваторами либералов за важную предпосылку политической стабильности⁵.

Значительное внимание образованию и деятельности Прогрессивного блока уделил во втором томе «Царствования Императора Николая II» С.С. Ольденбург, представитель консервативного крыла эмигрантской историографии. В отличие от Милюкова, он увидел в создании Прогрессивного блока угрозу стабильности⁶.

Второй этап историографии темы охватывает период с середины 1960-х гг. до рубежа 1980–1990-х гг., когда изучение «непролетарских» партий обрело академическую респектабельность. В книгах А.Я. Авреха «Царизм и третьеиюньская система» и «Столыпин и Третья Дума» были даны общие характеристики русского политического национализма в период между двумя революциями⁷. Автор увидел генетическое родство кадетов и прогрессивных националистов, поддерживавших великодержавный шовинизм и имперскую идею.

Первой специальной монографией, непосредственно затрагивающей проблематику прогрессивного национализма, стала работа ленинградского историка В.С. Дякина «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны». Автор характеризовал националистов как выразителей интересов русских землевладельцев, последовательных сторонников столыпинских преобразований, отмечал их близость к октябристам. Вступление левых националистов в Прогрессивный блок историк объяснял страхом перед социальными низами⁸. В своих последующих работах В.С. Дякин подчеркивал

---

⁵ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.

⁶ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998.

⁷ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Он же. Столыпин и Третья Дума. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.

⁸ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

различия между правыми и националистами, отмечая близость последних к октябристам⁹.

В отличие от своего ленинградского коллеги, А.Я. Аврех акцентировал внимание на сходстве между правыми и националистами, доказывая политическую несостоятельность последних¹⁰. Аналогичный подход был характерен и для обобщающих работ В.В. Комина¹¹ и Л.М. Спирина¹².

В большинстве исследований 1970-х гг. прогрессивным националистам и шире – консервативному флангу Прогрессивного блока – особого внимания не уделялось. А.Я. Слонимский объяснял создание Прогрессивного блока стремлением либералов подчинить себе государственный аппарат, чтобы использовать его в борьбе с революцией¹³. К либералам было приковано внимание и В.И. Старцева, проанализировавшего политические маневры вокруг идеи создания «министерства доверия»¹⁴.

Исключением в этом отношении стала монография Е.Д. Черменского. Он пришел к выводу, что социальную основу блока составлял компромисс между полуфеодальными, умеренно-правыми (прогрессивные националисты и партия центра) и буржуазными (октябристы, кадеты и прогрессисты) элементами, причем равнение, по его мнению, шло на самую умеренную группу – фракцию русских националистов. Причиной их вступления в блок историк, вслед за В.С. Дякиным, называл «неотступный страх перед революцией»¹⁵.

В 1984 и в 1989 гг. увидели свет специальные исследования А.Я. Авреха, посвященные периоду Первой мировой войны¹⁶. Автор подчеркивал, что «только война и вызванные ею острейшие политический, военный,

---

⁹ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.

¹⁰ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 240.

¹¹ Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1970.

¹² Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977.

¹³ Слонимский А.Я. Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975.

¹⁴ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. М., 1977.

¹⁵ Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976.

¹⁶ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; Он же. Царизм накануне свержения. М., 1989.

хозяйственный, управленческий и иные кризисы вынудили правых пойти на соглашение с кадетами»¹⁷.

В целом можно констатировать, что советские историки не уделили большого внимания русскому национализму. В Прогрессивном блоке они видели, прежде всего, дело рук либералов и самостоятельного значения его консервативной составляющей не придавали. Центр и прогрессивные националисты рассматривались как «попутчики», примкнувшие к блоку по конъюнктурным соображениям.

Подобно советским авторам и историкам-эмигрантам, западные исследователи, анализируя перипетии политической борьбы вокруг Прогрессивного блока, до конца 1970-х гг. делали упор на конфликте между правительством и либералами. Считая, что компромисс правительства с либерально-консервативной коалицией был последним шансом на спасение «старого порядка», Т. Риха подчеркивал ведущую роль в блоке кадетов и их лидера П.Н. Милюкова¹⁸. М. Хамм и Р. Пирсон в анализе деятельности Прогрессивного блока основное внимание также уделили либералам¹⁹. Лишь в 1980 г. русские националисты стали объектом специального монографического исследования, автор которого, Р. Эделман, не обошел вниманием и раскол во фракции националистов 1915 г. Он подверг сравнительному анализу социокультурные характеристики прогрессивных националистов и «балашевцев», оставшихся в националистической фракции²⁰.

На рубеже 1980–1990-х гг. в историографии прогрессивного национализма произошли серьезные изменения, положившие начало современному этапу в его изучении. Радикальные политические сдвиги вкупе с более близким знакомством отечественных историков с трудами эмигрантов и западных русистов способствовали трансформации взглядов.

---

¹⁷ Аврех А.Я. Распад третьейиюньской системы. М., 1985. С. 6.

¹⁸ Riha T. Miliukov and the Progressive Bloc in 1915: A Study in Last-Chance Politics // Journal of Modern History. 1960. Vol. 32. № 1. P. 16–24.

¹⁹ Michael F. Hamm. Liberal politics in Wartime Russia: an Analysis of Progressive Bloc // Slavic Review. 1974. Vol. 33. № 3. P. 453–468; Pearson R. The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. London, 1977.

²⁰ Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: the Nationalists Party, 1905–1917. New Brunswick, 1980.

Однако и в 1990-е гг. русский политический национализм по-прежнему был обделен вниманием исследователей. В обобщающих работах «Политическая история в партиях и лицах» и «История политических партий в России», вышедших в 1994 г., разделы о националистах вообще отсутствовали²¹. Во многом это было связано с представлением о националистах как о лишенной сколько-нибудь серьезного политического веса разновидности черносотенцев²². Весьма показательным было и то, что Ю.И. Кирьянов не стал включать в подготовленный им в 1998 г. сборник «Правые партии» материалы по истории русского национализма²³.

Тем не менее, во второй половине 1990-х гг. в этом отношении произошли заметные сдвиги. В энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.» появились статьи о Всероссийском национальном союзе (ВНС) и ведущих политиках-националистах²⁴. В 1998 г. их автор, Д.А. Коцюбинский, защитил кандидатскую диссертацию об идейно-политических и организационных основах русского национализма межреволюционного периода²⁵. В начале 2000-х гг. на базе его диссертации вышла книга, ставшая первой отечественной монографией о русском политическом национализме начала XX в. Трактую националистов как «национал-либералов», автор проанализировал эволюцию их идейно-политических установок вплоть до февраля 1917 г.²⁶

В 2005 г. была защищена кандидатская диссертация А.В. Лопуховой «Националисты в Государственной Думе Российской Империи». Ликвидировав важную историографическую лакуну и основательно проанализировав думскую деятельность националистов, автор, однако, обошел своим вниманием вопрос о

---

²¹ См., напр.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993, М., 1994. История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. М., 1994.

²² См., напр.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992.

²³ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы / Сост. Ю.И. Кирьянов. В 2-х т. М., 1998.

²⁴ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. М., 1996.

²⁵ Коцюбинский Д.А. Всероссийский национальный союз: формирование организационно-идейных основ, 1907–1917. СПб., 1998.

²⁶ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

расколе фракции русских националистов и идейно-политическом содержании прогрессивного национализма²⁷.

В 2006 г. вышла книга С.М. Саньковой «Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917)». Основное отличие данной монографии от работы Д.А. Коцюбинского заключалось в том, что Санькова основное внимание уделила эволюции организации и тактики ВНС. Она поддержала мнение Д.А. Коцюбинского о присутствии либеральных черт в установках русских националистов, определив его политический характер как «консервативно-либеральный»²⁸.

Несмотря на то, что в историографии окончательно возобладало представление о русском национализме как самостоятельном идейно-политическом течении, сохраняются серьезные расхождения в оценке соотношения русского национализма и черносотенства. Так, И.В. Омелянчук придерживается более традиционной оценки национализма и относит ВНС к «умеренно-правому крылу черносотенного движения»²⁹.

Новое поколение исследователей сосредоточилось в своих изысканиях на взаимодействии российских консервативных и либеральных политических деятелей с бюрократической элитой, однако прогрессивным националистам в их работах не было уделено сколько-нибудь значительного внимания³⁰.

В 2006 г. в Могилеве вышло исследование Д.С. Лавриновича, посвященное формированию и деятельности либерально-консервативной оппозиции в России в 1912–1917 гг. В монографии были подробно освещены перипетии политической борьбы вокруг Прогрессивного блока, важная роль в которой, по мнению автора, принадлежала В.В. Шульгину³¹.

---

²⁷ Лопухова А.В. Националисты в Государственной Думе Российской империи. Дисс... кандидата исторических наук. Самара, 2005.

²⁸ Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006.

²⁹ Омелянчук И.В. О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 95-104.

³⁰ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. М., 2003; Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000.

³¹ Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912 г. – март 1917 г.). Могилев, 2006.

В 2008 г. в Киеве вышла историческая энциклопедия Т.В. Кальченко, посвященная Киевскому клубу русских националистов (ККРН). Эта книга стала самой полной на данный момент работой, посвященной деятельности ККРН, в состав которого входила значительная часть будущих прогрессивных националистов³².

В последние годы специальное внимание было уделено деятельности лидеров прогрессивного национализма – В.В. Шульгина и А.И. Савенко. А.В. Репников и В.С. Христофоров опубликовали две содержательные работы о В.В. Шульгине, основанные на ранее не использовавшихся материалах из архива ФСБ³³. Обширную статью о А.И. Савенко опубликовал А.А. Иванов³⁴.

Отметим, что зарубежные историки в течение двух последних десятилетий касались лишь частных аспектов темы русского национализма³⁵.

Современные историки внесли существенный вклад в исследование данной проблематики. Тем не менее, проблема эволюции российского консерватизма в условиях Первой мировой войны, важнейшим продуктом которой стало появление фракции прогрессивных националистов, остается недостаточно изученной.

Если деятельность правых в условиях Первой мировой войны давно стала объектом самостоятельного изучения³⁶, то национализм военной поры, в

---

³² Кальченко Т.В. Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев, 2008.

³³ См., напр.: Репников А.В., Христофоров В.С. Шульгин – последний рыцарь самодержавия // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 64–111.; Репников А.В., Христофоров В.С. Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 162–182.

³⁴ Иванов А.А. А.И. Савенко. Метаморфозы русского националиста // Русский исторический сборник. М., 2010. Т. 2. С. 147–167.

³⁵ Вишневски Э. Прогрессивный блок // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. Сборник статей и документов. М., 1999 №4. С. 89–117; Korros A.S. Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalists and the Politics of the Russian Imperial State Council. 1906–1911. Lanham, 2002; Korros A.S. Nationalists Politics in the Russian Imperial State Council: Forming a New Majority, 1909–1910 // Emerging Democracy in Late Imperial Russia. Case studies on local self-government (the Zemstvos), The State Duma elections, the Tsarists government, and the State Council before and during World War I. Colorado, 1998. P. 198–227; Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, 2003; Лоп Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

³⁶ См., напр.: Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001; Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой

частности прогрессивный национализм, по-прежнему рассматривается лишь как завершающая фаза эволюции национализма предвоенного времени. Все это дает достаточные историографические основания для обращения к проблеме русского прогрессивного национализма периода Первой мировой войны как одной из разновидностей российского консерватизма данного периода.

Объектом настоящего исследования выступает прогрессивный национализм как общественно-политическое течение в России, **предметом** – эволюция идеологии и политической практики прогрессивного национализма в позднеимперской России.

Хронологические рамки исследования. Хотя феномен прогрессивного национализма стал продуктом идейно-политических конфликтов военного времени, его предпосылки сложились задолго до начала Первой мировой войны. Важнейшей из них было превращение русского национализма в самостоятельное идейно-политическое течение, ставшее одним из результатов революции 1905–1907 гг., которая принимается за нижнюю хронологическую границу исследования. Верхней границей становится конец февраля – начало марта 1917 г., когда одновременно с падением старой политической системы исчез с политической арены и прогрессивный национализм.

Географические рамки исследования ограничены территорией Российской империи в ее границах на момент начала Первой мировой войны. Поскольку родиной русского национализма как идейно-политического течения явился Западный край, то есть часть территории современных Украины, Белоруссии и Польши, множество рассматриваемых в работе событий связана с этой частью империи. Что касается деятельности Всероссийского национального союза и прогрессивного блока, то она была связана, прежде всего, с Санкт-Петербургом. В работе также уделяется внимание депутатам от Пермской губернии, поэтому Урал также находит в ней свое отражение.

Цель – определить место и роль прогрессивного национализма в истории русского консерватизма позднеимперского периода, выявить в нем общее и

мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006; Он же. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) М.; СПб., 2013.

особенное с иными версиями российской консервативной идеологии и политики.

Задачи работы заключаются в том, чтобы:

- установить предпосылки возникновения прогрессивного национализма как идейно-политического течения;
- определить социокультурный облик прогрессивных националистов в условиях становления фракции;
- исследовать взгляды прогрессивных националистов на политические, экономические и социокультурные реалии Российской империи в период Первой мировой войны;
- проанализировать эволюцию взглядов и политической практики прогрессивных националистов в 1916 – начале 1917 г.;
- выявить причины политической неудачи прогрессивного национализма.

Источниковую базу исследования составили материалы, характеризующие различные аспекты генезиса и эволюции прогрессивного национализма. Использованные при написании работы источники извлечены как из публикаций, так и из архивов – Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Пермского края. В работе также использовалась делопроизводственная документация, периодика, справочные издания и публицистика, источники личного происхождения.

Первостепенное значение для исследования приобрели материалы думского делопроизводства. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) они представлены фондом 1278, где хранятся материалы Государственной Думы Российской империи.

Значительно больший интерес с этой точки зрения представляют Стенографические отчеты Государственной Думы и Государственного Совета, а также указатели к ним. Данная подгруппа источников думского делопроизводства позволяет охарактеризовать социальный облик прогрессивных националистов, выяснить, как они определяли свое политическое кредо и какими политическими средствами его отстаивали.

К источникам, отражающим парламентскую деятельность прогрессивных националистов, также относятся донесения Л.К. Куманина, информировавшего правительство о положении дел не только на думской сцене, но и за ее кулисами³⁷.

Известный интерес представляли материалы Всероссийского Национального Союза, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Они отражают деятельность ведущей националистической организации Российской империи.

Существенно больший интерес с точки зрения рассматриваемой темы представляют материалы Департамента полиции МВД. Частная корреспонденция прогрессивных националистов дает особенно ценную информацию об их политических воззрениях, ибо в письмах родным и близким они не были скованы нормами фракционной дисциплины и политических приличий и высказывались более откровенно и эмоционально, чем с думской трибуны или в печати.

Для характеристики воззрений идеологов прогрессивного национализма привлекались материалы периодики, в частности известного ежедневного провинциального издания «Киевлянин». Крупнейшие представители прогрессивного национализма являлись ведущими журналистами и постоянными авторами газеты. В.В. Шульгин с 1913 г. был редактором «Киевлянина», а А.В. Савенко вел в ней постоянную авторскую колонку.

Важным источником для изучения генезиса прогрессивного национализма является газета «Дым отечества», ставшая инструментом разработки и пропаганды идеологии русской «национал-демократии». Важные сведения об идеологической и политической активности левых националистов содержались в публикациях влиятельного столичного националистического издания – газеты «Новое время». Кроме того, в работе использовались отдельные номера других периодических изданий³⁸.

---

³⁷ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3–6.

³⁸ Утро России. Июль 1914 – февраль 1917 г.; Биржевые ведомости. Август 1915 – ноябрь 1916 г.

Помимо указанных периодических изданий для характеристики генезиса идеологии прогрессивного национализма привлекались публицистические произведения сторонников «национальной демократии» кануна Первой мировой войны. Они позволяют проследить процесс формирования круга идей, которые легли в основу прогрессивного национализма военного времени. К этим источникам относятся брошюры Т.В. Локтя и В. Строганова, а также публицистический сборники «Ладо» и «Новая Россия»³⁹. Их авторы, представляя левый фланг националистического движения, стремились дополнить русский национализм демократической идеей.

Лидер конституционно-демократической партии подробно фиксировал все, что говорилось в ходе совещаний, проходивших на квартире у барона В.В. Меллер-Закомельского. В них принимали участие и лидеры прогрессивных националистов, делившиеся своими соображениями по важнейшим политическим вопросам с коллегами по блоку. Эти материалы позволяют проследить эволюцию воззрений прогрессивных националистов, сопоставить их взгляды с взглядами других участников блока.

Наконец, особую группу источников, использованных в работе, составляют мемуары. При всех оговорках, касающихся достоверности этих источников, нельзя не признать, что без их использования невозможно представить многие обстоятельства рождения и эволюции Прогрессивного блока и ставшей его интегральной частью фракции прогрессивных националистов. Наибольший интерес представляют мемуары участников блока – В.В. Шульгина, П.Н. Милюкова, В.И. Гурко и Б.А. Энгельгардта и внимательно наблюдавшего за всем происходившим в Думе ее секретаря Я.В. Глинки⁴⁰. Весьма интересные воспоминания оставила и И.А. Савенко – дочь одного из лидеров

---

³⁹ См., напр.: Локоть Т.В. Оправдание национализма. Киев, 1910; Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. СПб., 1912; Ладо. Литературно-общественный сборник. СПб., 1913; Новая Россия. Основы и задачи Имперской Народной Партии. СПб., 1914

⁴⁰ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 2001; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000; Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1052. Оп. 1. Часть этих воспоминаний была опубликована: Энгельгардт Б.А. Последняя коронация. Из книги воспоминаний «Потонувший мир». Таллинн, 1990; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. СПб., 2001.

прогрессивных националистов⁴¹. Они позволяют проследить политический путь А.И. Савенко глазами близкого члена семьи и раскрывают многие аспекты его характера.

Исключительно важную информацию содержат опубликованные в начале 1930-х гг. Н.А. Лапиным «Записки о заседаниях бюро Прогрессивного блока», принадлежащие перу П.Н. Милюкова⁴².

Разнообразие использованных источников, на наш взгляд, обеспечивает достоверность и научную обоснованность результатов исследования, позволяет раскрыть сущность прогрессивного национализма как явления.

Методология и методы исследования. Исследование опирается на общенаучные принципы историзма, объективности и системности. Применение принципа историзма позволило изучить фракцию прогрессивных националистов как историческое явление, изменяющееся во времени под воздействием внешних событий. Использование принципа объективности на основе охвата всей совокупности фактов позволило проанализировать фракцию прогрессивных националистов в Государственной думе как многогранное и противоречивое явление со своей идеологией и сложившейся политической практикой. В соответствии с принципом системности фракция прогрессивных националистов рассматривались как составная часть Государственной думы и ее либерально-консервативного Прогрессивного блока.

В работе использовались и специально-исторические методы. Сравнительно-исторический метод был нацелен на выявление как специфических черт в идеологии прогрессивного национализма, так и представлений, являвшихся общими для всех умеренных консерваторов. Проблемно-хронологический метод позволил выделить несколько периодов в эволюции фракции прогрессивных националистов, обусловленных изменениями во взглядах под влиянием Первой мировой войны и внутреннего положения в Российской империи.

---

⁴¹ Савенко И.А. Наяву – не во сне: Роман-воспоминание. Киев, 1990.

⁴² См.: Красный архив. 1932. Т. 1–2. С. 117–160; Т. 3. С. 143–196; 1933. Т. 1. С. 80–135, П.Н. Милюков. Дневник // Красный архив. 1932. Т. 3. С. 3–48.

Общим методологическим основанием для исследования является концепция модернизации. Особенностью российского варианта модернизации стало значительное отставание политической модернизации от модернизации в социально-экономической области. Как и в Западной Европе, возникновение идеологии консерватизма в России явилось формой реакции традиционных элит на развитие модернизационных процессов и относится к рубежу XVIII–XIX вв.⁴³ Однако превращение российского консерватизма в политическое движение произошло значительно позднее, под влиянием революционных событий 1905–1907 гг.

Если в экономике и социальных отношениях подвижки модернизационного характера обнаружились уже в XVIII в., то понимание общества как субъекта управления пришло существенно позже⁴⁴. По мнению А.В. Репникова, «происходившие в России модернизационные изменения значительно опережали теоретиков консервативной мысли, которые пытались на старом «фундаменте» выстроить новое здание консервативной и националистической русской философии»⁴⁵.

Важнейшими вехами политической модернизации страны стали Манифест 17 октября 1905 г. и новая редакция Основных законов, оказавшиеся отправной точкой для распространения демократической культуры в Российской империи⁴⁶. Создание законодательных представительных учреждений означало разрыв с традиционным порядком принятия политических решений, который был воспринят российскими консерваторами крайне болезненно. Представление о самодержавии как о краеугольном камне российской

---

⁴³ Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени М., 1994. С. 572–668. О генезисе российского консерватизма см. подр.: Минаков А.Ю. Русская партия в первой четверти XIX в. М., 2013.

⁴⁴ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. С. 257–269.

⁴⁵ См. Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 150.

⁴⁶ Селунская Н.Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М., 2005.

государственности оставалось важнейшим элементом политической доктрины российского консерватизма начала XX в.⁴⁷

Консерваторы в России, как и во всей Европе, с трудом адаптировались к социально-экономическим и политическим реалиям конца XIX – начала XX в.⁴⁸ Большинство их так и не сумело в полной мере приспособиться к новой политической системе, определенной Основными законами 23 апреля 1906 г. Тем не менее, в российской консервативной среде присутствовали элементы, вставшие на этот путь.

Располагавшиеся на левом фланге российского национализма прогрессивные националисты рассматриваются как представители умеренной версии российского консерватизма. Подобно другим российским консерваторам, они разделяли знаменитую уваровскую триаду «православие – самодержавие – народность». Вместе с тем, в идеологии российского национализма изначально присутствовали либеральные мотивы, особенно характерные для представителей его левого фланга, на базе которого и сформировался прогрессивный национализм.

Поддержка либеральных принципов создавала возможность взаимопонимания и взаимодействия с октябристами и кадетами, реализовавшейся в Прогрессивном блоке. И хотя проявленная политическая гибкость не спасла прогрессивных националистов от сокрушительного поражения, их попытка адаптироваться к новым условиям свидетельствовала об определенном реформаторском потенциале российского консерватизма начала XX в.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что фракция прогрессивных националистов (ФПН) рассматривается как особое политическое образование со специфической идейно-политической платформой. В работе анализируются предпосылки и причины раскола фракции

---

⁴⁷ Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения // Отечественная история. 2001. № 3. С. 113.

⁴⁸ Наиболее основательно концепция кризиса консерватизма разработана на западноевропейском, преимущественно британском материале Ю. Грином. См.: Green E.H.H. The Crisis of Conservatism: The Politics, Economics and Ideology of the British Conservative Party, 1880–1914. London; New York, 1995. P. 319–333.

националистов и умеренно-правых в IV Государственной Думе, рассматривается деятельность ФПН в рамках Прогрессивного блока.

В диссертации выявляются причины, по которым прогрессивным националистам и российским умеренным консерваторам так и не удалось добиться политического успеха, обеспечить выживание монархии с помощью реформ, дающих возможность расширить демократическую составляющую российской политической системы, одновременно сохранив ее авторитарные основания.

Научная и практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих исследований по истории российского парламентаризма и политических партий России начала XX в., в преподавании общих и специальных курсов по российской истории, затрагивающих проблематику Первой мировой войны, российского консерватизма и русского национализма начала XX в.

Апробация исследования. Положения диссертации были изложены в выступлениях на различных научных форумах, в том числе на пятой международной научной конференции «Россия и Мир в конце XIX – начале XX в.» (ПГНИУ, 2012 г.) и «Таврических чтениях – 2013» (СПб., 2013 г.). Основные выводы работы были представлены в восьми статьях, в том числе четырех журналах, включенных в список ВАКа, общим объемом 2,5 п.л.

Положения, выносимые на защиту:

1. Прогрессивный национализм как политическое явление «вырос» из идеологии и политической практики Всероссийского национального союза. Эта организация сочетала в себе как консервативные, так и либеральные установки, что наложило отпечаток на думскую фракцию националистов и умеренно правых, а позднее – на сторонников В.В. Шульгина и А.И. Савенко.

2. Несмотря на свою малую численность и зависимость от либеральных союзников по блоку, фракция прогрессивных националистов была самостоятельной политической единицей.

3. Истоки расхождений между двумя группами националистов лежали не в социальной, а в идейно-политической плоскости, в различных представлениях о путях решения ключевых проблем, стоявших перед Россией.

4. Прогрессивные националисты заняли место на правом фланге думского либерально-консервативного большинства. Оставаясь сторонниками монархии, они в то же время ратовали за трансформацию политических институтов и за увеличение роли народного представительства в жизни государства.

5. Сдвиг части националистов влево стал важным фактором распада российского консервативного лагеря и падения самодержавия, политической опорой которого он служил.

6. Непрочность союза прогрессивных националистов с либералами стала наиболее ярким свидетельством того, что российский консерватизм начала XX в. в целом оказался не в состоянии приспособиться к условиям политической модернизации и обеспечить сохранение существовавшего в стране политического порядка.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, а также трех приложений, включающих текст заявления группы националистов о выходе из фракции в 1915 г., список членов фракций прогрессивных националистов, сравнительные характеристики прогрессивных националистов и националистов-балашевцев.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность исследуемой проблематики, дан историографический обзор, определены объект, предмет, хронологические и географические рамки исследования, его цели и задачи, дана характеристика используемых в работе источников.

Первая глава **«Истоки прогрессивного национализма»** состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«Левый национализм накануне Первой мировой войны»** дается общая характеристика российского консервативного

лагеря накануне войны, анализируется процесс возникновения во Всероссийском национальном союзе левого и правого флангов.

Русский национализм начала XX в. стал выражением реакции на рост национальных движений на периферии Российской империи. В условиях революции 1905–1907 гг. в консервативном движении доминировали крайние правые элементы, рассматривавшие сохранение самодержавия как условие господства русских в империи.

Поражение революции и стабилизация политической ситуации в России способствовали активизации более умеренных консервативных группировок, готовых признать ограничения, налагаемые на самодержца принятой в 1906 г. новой редакцией Основных законов. Заметная роль среди них принадлежала националистическим политическим формированиям.

Неотъемлемым элементом правильного политического устройства они считали представительные учреждения, обладавшие законодательными правами, и даже именовали российский политический порядок «самодержавно-представительным». Проповедуя необходимость внедрения либерального начала в российскую государственность, националисты в то же время настаивали на сохранении ведущей роли в ней начала авторитарного, самодержавного. Националисты видели в себе приверженцев созидательного, «здорового консерватизма».

В III Государственной Думе таких взглядов придерживались представители фракций русских националистов и умеренно-правых, объединившихся в ходе третьей думской сессии (1909–1910 гг.). Наиболее заметными общественными внепарламентскими организациями националистического толка стали созданные в 1908 г. Киевский клуб русских националистов (ККРН) и Всероссийский национальный союз (ВНС).

Инициатива создания в Киеве постоянной организации, которая объединила бы «патриотические силы» города, принадлежала одному из будущих лидеров фракции прогрессивных националистов А.И. Савенко и группе его единомышленников. В дальнейшем противостояние Киева и Санкт-

Петербурга как двух центров русского национализма сыграло заметную, хотя и не определяющую роль в расколе националистов.

Более значимым фактором было то, что в русском национализме изначально присутствовали разнообразные политические оттенки. Главным объектом разногласий среди националистов стал вопрос о допустимости развития либеральных, демократических элементов государственного устройства.

Результатом обострения разногласий в националистическом движении стало формирование в нем правого фланга, ориентированного на собственно правых, и левого, склонявшегося к сотрудничеству с либералами, не исключая кадетов.

Таким образом, в русском национализме накануне Первой мировой войны уживались противоположные тенденции. Это одновременно являлось источником и силы, и слабости: придавая русскому национализму гибкость, они создавали потенциальную опасность раскола.

Во втором параграфе **«Левые националисты и начало Первой мировой войны (июль 1914 г. – июль 1915 г.)»** анализируется нарастание противоречий в думской фракции националистов и умеренно-правых в течение первого года войны.

Левые националисты с оптимизмом смотрели на перспективы сотрудничества между представительными учреждениями и властью ради достижения победы в войне и видели в народном представительстве опору правительства. Эта установка соответствовала политической стратегии министра земледелия А.В. Кривошеина, стремившегося к созданию лояльного правительству политического большинства. По сути дела, речь шла о разработке российского варианта политики «Священного единения», подобного тому, который проводился в условиях войны в других странах. Важнейшим условием его успешной реализации выступал диалог между консервативными и либеральными политическими силами, государством и обществом.

Левые националисты приветствовали обновление правительства в июне 1915 г. и увидели в создании думского либерально-консервативного блока

способ закрепить произошедшие перемены. Между тем официальное руководство националистической фракции склонялось к поддержке правых, отвергавших курс на политические уступки.

Представляется, что истоки раскола среди националистов, произошедшего в августе 1915 г., складывались в течение длительного времени. Он имел серьезные социальные и идейно-политические предпосылки, несводимые к политической конъюнктуре, в чем прогрессивных националистов часто упрекали справа. В конечном итоге, этот раскол был предопределен разношерстным составом ВНС и парламентской фракции националистов.

Война обострила имевшиеся противоречия, превратив их в конфликт двух различных моделей патриотической мобилизации. В то время как левые националисты настаивали на идее компромисса и взаимодействия между различными политическими силами, диалоге между государством и обществом, правые националисты солидаризировались с установкой правых на приказ и указание сверху как главных инструментах достижения политического единства. Этот конфликт окончательно расколол националистическое движение и привел к вступлению в Прогрессивный блок левых националистов, не увидевших иной возможности реализовать собственное политическое кредо.

Вторая глава **«Возникновение прогрессивного национализма»** также состоит из двух параграфов. Первый параграф **«Образование Прогрессивного блока и фракции прогрессивных националистов»** посвящен анализу социального облика и политических ориентаций фракции.

В день открытия думской сессии, 19 июля 1915 г., националист В.А. Бобринский предложил знаменитую формулу перехода, которая включала предложение о создании министерства доверия, ставшее главным пунктом платформы Прогрессивного блока. Параллельно предпринимались попытки сформировать «Черный блок» – объединение правых и националистов. Обе стороны стремились представить свои действия как ответ на нарушение оппонентами «политического перемирия» первого года войны.

13 августа 1915 г. группа националистов, в роли лидеров которой выступили В.А. Бобринский, А.И. Савенко и В.В. Шульгин, вышли из фракции

и создали свое объединение – фракцию прогрессивных националистов (ФПН), присоединившуюся к Прогрессивному блоку. Этот шаг диктовался соображениями не только стратегического, но и тактического порядка. Прогрессивные националисты были слишком малочисленны и лишь в составе большой коалиции получали возможность добиваться своих целей.

По своему социокультурному облику прогрессивные националисты не отличались сколько-нибудь существенным образом от сторонников П.Н. Балашева. Они имели схожие возрастные, сословные характеристики, профессиональный и общественный опыт, сопоставимый уровень образования и доходов. Истоки расхождений между участниками ФНП и правых националистов – «балашевцев» – лежали в идейно-политической плоскости, в различных представлениях о путях решения ключевых проблем, стоявших перед Россией.

Вышедшие из фракции левые националисты часто объясняли свой шаг намерением их оппонентов справа создать «Черный блок», в который должны были войти правые и часть националистов, поддерживавшая П.Н. Балашева. На наш взгляд, процессы объединения правых и сближения части националистов с либералами происходили параллельно, причем обе эти тенденции наметились с самого начала войны.

Обвинив своих соратников по фракции в нарушении политического «перемирия» и отсутствии необходимой во время войны гибкости, левые националисты уверенно взяли курс на адаптацию своих идейных установок к новым политическим реалиям.

Второй параграф **«Идеология прогрессивного национализма»** посвящен отличиям прогрессивных националистов от националистов-балашевцев и их основным идеологическим установкам.

Вступление в Прогрессивный блок потребовало от левых националистов определенных изменений в подходе к национальному вопросу. Так, им пришлось значительно смягчить антисемитскую и антипольскую риторику. Это объяснялось необходимостью сделать шаг навстречу кадетам, согласившимся на лозунг «министерства доверия» (вместо «ответственного министерства»).

Ключевым положением идеологической платформы прогрессивного национализма стала идея доверия. Этот термин понимался как выражение единения государства и общества, без которого победа в глобальном военно-политическом конфликте была бы недостижимой. Война трактовалась как дополнительный аргумент в пользу сохранения народного представительства и продолжения политического курса, провозглашенного Манифестом 17 октября. Присоединение левых националистов к блоку стало свидетельством сдвига наиболее умеренных российских консерваторов в либеральном направлении, усвоении ими новых, либеральных по происхождению политических установок.

Обвиняя министров Н.А. Маклакова, И.Г. Щегловитова и В.К. Саблера в нежелании сотрудничать с общественными деятелями, прогрессивные националисты противопоставляли им тех членов правительства, которые проявляли готовность к взаимодействию с обществом (А.В. Кривошеина, С.В. Рухлова, А.Д. Самарина, Н.Б. Щербатова, С.Д. Сазонова).

Основными политическими оппонентами прогрессивные националисты объявляли правых, которых упрекали в негибкости, нежелании и неумении идти на уступки, договариваться с носителями иных взглядов. Впрочем, несмотря на жесткую полемику с правыми, прогрессивные националисты продолжали считать себя консерваторами, сторонниками сохранения традиционных для России форм социально-экономической и политической организации.

Третья глава **«Эволюция идейных установок и политических практик прогрессивных националистов»** посвящена анализу тех изменений, которые происходили в стратегии и тактике ФПН, поддержавшей курс думского большинства на конфронтацию с властью. Глава состоит из двух параграфов. Первый параграф **«Прогрессивные националисты и "осада власти"»** посвящен участию прогрессивных националистов в событиях сентября 1915 г. – октября 1916 г.

Поддержка прогрессивными националистами тактики конфронтации с правительством во многом была обусловлена отставками осенью 1915 г. министров, с которыми связывались надежды на достижение договоренности

между правительством и Думой (А.В. Кривошеина, С.В. Рухлова, А.Д. Самарина, Н.Б. Щербатова).

Уже в ноябре 1915 г. прогрессивные националисты выражали готовность критиковать правительство от лица всей Думы. После замены И.Л. Горемыкина на посту председателя Совета министров Б.В. Штюрмером в январе 1916 г. критические настроения среди прогрессивных националистов только усилились. А после ухода из министерства С.Д. Сазонова в июле 1916 г. в правительстве не осталось министров, в которых они видели политических партнеров.

В вину власти вменялись и военные неудачи, и тяжелое экономическое положение. Постепенно прогрессивные националисты от «осады» власти перешли к более решительным действиям, получившим название «штурм власти».

Второй параграф **«Прогрессивные националисты и "штурм власти"»** посвящен участию прогрессивных националистов в событиях заключительного периода существования монархии, условным началом которых можно считать ноябрь 1916 г. Выступления в Государственной думе В.В. Шульгина 3 ноября и В.А. Бобринского 19 ноября 1916 г. продолжили жесткую критику министерства, начатую П.Н. Милюковым в его знаменитой речи 1 ноября.

В условиях усиления давления на власть со стороны прогрессивного блока обострились конфликты в среде правых, закончившиеся их фактическим расколом. Хотя прогрессивные националисты, в отличие от фракции правых, зимой 1916–1917 гг. сохранили организационное единство, во фракции обнаружились определенные разногласия относительно того, не следует ли идти навстречу правительству, или, наоборот, попытаться расширить блок влево. Можно предположить, что именно обострением внутрифракционных противоречий объяснялось решение В.А. Бобринского сложить полномочия товарища председателя Государственной думы.

Участие В.В. Шульгина в отречении Николая II стало символическим выражением разрыва с монархическим прошлым, как лидера прогрессивных националистов, так и фракции в целом. Ликвидация дореволюционного статус-

кво, в котором прогрессивные националисты увидели так много изъянов, лишила их существование политического смысла.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования. Сотрудничество консервативных и либеральных элементов в период Первой мировой войны стало уникальным опытом для российской политики. Однако союз прогрессивных националистов с либералами оказался непрочным. Войдя в Прогрессивный блок, умеренные консерваторы так и не смогли извлечь из этого долгосрочные политические выгоды, обнаружить «средний путь» между революцией и реакцией, предотвратить крушение режима и его катастрофические последствия.

Крах идеи консервативно-либерального консенсуса в России периода Первой мировой войны, бесплодность попыток думской оппозиции «достучаться» до правительства стали свидетельством слабости молодого российского парламентаризма, не сумевшего добиться взаимопонимания с бюрократией.

Раскол во фракции националистов в августе 1915 г. стал естественным результатом всего процесса эволюции русского национализма как одной из разновидностей отечественного консерватизма. Его предпосылки проистекали из социальной и идейно-политической неоднородности националистического движения.

Русские националисты представляли интересы как русских помещиков Западного края, так и демократических элементов этого региона. В идейно-политическом отношении русский национализм кануна войны выступал как синтез консервативных, авторитарных и либеральных, демократических ценностей. Это привело к тому, что состав националистов оказался весьма разношерстным: их правый фланг составляли будущие «балашевцы», близкие к думским правым, левый – будущие прогрессивные националисты.

Первым ударом, после которого, по выражению А.И. Савенко, все «пошли вразброд», стала смерть П.А. Столыпина. С началом работы IV Думы центробежные процессы среди националистов усилились, хотя формальное единство еще сохранялось. Первая мировая война, резко обострившая

разногласия среди консерваторов вообще и националистов, в частности, нанесла этому единству окончательный удар.

С началом боевых действий важнейшим аспектом разногласий между консервативными политиками стало противостояние двух базовых вариантов «патриотической мобилизации». Правые националисты вслед за собственно правыми видели основные средства решения военных проблем в ставке на принуждение, распоряжение сверху, приказ и его четкое исполнение. Их более либерально настроенные коллеги уповали на убеждение, идеологическую обработку населения в патриотическом духе, взаимопонимание и взаимодействие между государственными органами и общественными организациями.

Военные неудачи весны – лета 1915 г. обострили этот конфликт, который в конечном итоге привел националистическое движение к расколу.

В социальном отношении различия между правыми и прогрессивными националистами оказались незначительными. Разницей в представленных в обеих фракциях сословий, возрасте депутатов, уровне образования и вовлеченности в общественную деятельность невозможно объяснить резкий антагонизм между лидерами прогрессивных националистов и теми, кто больше тяготел к правым. Таким образом, можно констатировать, что раскол в русском политическом национализме был связан не столько с социальными различиями, сколько с разными политическими приоритетами.

Прогрессивные националисты, продолжая позиционировать себя как монархистов и сторонников порядка, основной упор делали на необходимости сохранения свобод и политического диалога. По их мнению, такой диалог должен был вестись, во-первых, между государством и обществом, где волю первого выражало правительство, а волю последнего – представительные учреждения; во-вторых, между различными политическими силами, главным образом, между консерваторами и либералами.

Члены фракции были сторонниками сохранения существующего порядка, но на основе, главным образом, единения с общественными силами, а не приказа сверху. Свой консерватизм, в основе которого должно было быть

доверие между Государственной думой и правительством, прогрессивные националисты противопоставляли «реакционному» консерватизму правых, которых обвиняли в нежелании и неумении приспособиться к изменившимся условиям и предложить новые идеи. Этими обстоятельствами они объясняли выбор в политические партнеры либералов, как они утверждали, более патриотичных, гибких и креативных.

Конкретные политические установки и политические практики прогрессивных националистов с течением времени изменялись. Главным фактором этих перемен была эволюция внутривнутриполитической ситуации, прежде всего перестановки в составе правительства. Стратегию постоянного диалога государства и общества, взаимных уступок ради победы в войне поддерживала часть высшей бюрократии во главе с А.В. Кривошеиным, в котором прогрессивные националисты видели продолжателя дела П.А. Столыпина. Именно с присутствием в правительстве А.В. Кривошеина и некоторых других министров (С.В. Рухлова, С.Д. Сазонова, А.Д. Самарина, Н.Б. Щербатова) прогрессивные националисты связывали свои надежды на продолжение диалога государства и общества и, в конечном итоге, создание «министерства доверия».

Однако эти надежды не оправдались. После ухода в конце октября 1915 г. из правительства А.В. Кривошеина и первого председателя ВНС С.В. Рухлова начался поворот прогрессивных националистов к конфронтации с правительством. В конце концов, накануне открытия ноябрьской сессии Государственной Думы в 1916 году фракция вместе со своими партнерами по Прогрессивному блоку пришла к выводу о необходимости жесткого противостояния правительству.

Таким образом, не столько создание Прогрессивного блока, сколько удаление из правительства сторонников политического диалога сделало невозможным примирение между властью и думской оппозицией. Ориентация участников блока на «единение со всей страной правительства, пользующегося полным ее доверием» сменилась на установку «бороться с этой властью, пока она не уйдет». При этом в роли главного политического противника для

прогрессивных националистов выступили правые, настаивавшие на концентрации власти и строгом контроле государства над обществом.

Погрязнув в борьбе сначала со своими бывшими единомышленниками, а затем и с правительством, прогрессивные националисты так и не смогли предложить широкой программы преобразований. Программа Прогрессивного блока давала лишь общие положения и не затрагивала вопросов, от решения которых, как показало время, и зависела судьба монархии в России.

С одной стороны, отсутствие конкретных предложений по решению ряда насущных проблем объяснялось нежеланием прогрессивных националистов решать вопросы во время войны и надеждой на то, что Россия вскоре выйдет из нее победителем. С другой стороны, неуверенность в том, что они делают – «сдерживают или разжигают» – заставляла членов фракции колебаться, сводя всю свою программу к требованию смены правительства.

Параллельно с изменением тактических установок усиливалось значение либеральных элементов в идеологии прогрессивного национализма. Представители фракции пришли к выводу о большей важности для страны представительных учреждений, избравшихся населением, чем правительства, назначавшегося монархом. Они требовали максимальной открытости и публичности в политической сфере, особенно после ухода из правительства потенциальных партнеров блока.

Для реализации собственных установок прогрессивные националисты использовали, прежде всего, работу в Государственной думе, пытались влиять на общественное мнение через прессу – газету «Киевлянин» и другие периодические издания. При этом и думская трибуна, и выступления в периодической печати оказались не столько инструментами конструктивного диалога, сколько средствами борьбы с оппонентами справа.

Несмотря на вышесказанное, представляется, что среди всех российских консервативных политических групп прогрессивные националисты значительно дальше других продвинулись по пути адаптации к новым политическим условиям. На это обстоятельство обратили внимание уже современники описываемых событий, в частности В.Г. Короленко. Справедливо замечая, что

русский консерватизм переживает кризис и трансформируется, в качестве наиболее яркого примера этих изменений он приводил прогрессивного националиста В.В. Шульгина, которого называл «неоконсерватором». В.В. Шульгин с такой характеристикой согласился, отметив при этом, что война и проявленный либералами патриотизм вселили в часть консерваторов уверенность, что преобразования необходимы, что они будут не разрушением, а обновлением России.

Сдвиг части националистов влево стал важным фактором распада русского консервативного лагеря и падения самодержавия, политической опорой которого он служил. Вместе с тем, он стал и ярким свидетельством того, что русский консерватизм начала XX в. в целом оказался не в состоянии приспособиться к условиям политической модернизации и обеспечить сохранение существовавшего в стране политического порядка.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях (в соответствии с перечнем ВАК):

1. Историография фракции прогрессивных националистов Государственной думы IV созыва // Вестник Пермского ун-та. Сер. «История». 2011. Вып. 3(17). С. 16–19. (0,4 п.л.);
2. Газета «Киевлянин» и прогрессивные националисты, 1915–1917 гг. // Вестник Пермского ун-та. Сер. «История». 2012. Вып. 1(18). С. 271–277. (0,5 п.л.);
3. «Враг внешний – враг внутренний»: Первая мировая война и русский национализм // Вестник Пермского ун-та. Сер. «История». 2012. Вып. 3(20). С. 180–183. (0,4 п.л.);
4. «Свой среди чужих, чужой среди своих»: русский прогрессивный национализм (1915–1917 гг.) // Власть. 2012. № 10. С. 159–163 (в соавт. с М.Н. Лукьяновым). (0,5 п.л./0,3 п.л.);

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

1. Шульгин и Прогрессивный блок // Дни науки исторического факультета. Мат-лы II междунар. науч. конф. молодых ученых, посвященной 175-летию Киевского ун-та им. Тараса Шевченко. Киев, 2009. С. 58–60. (0,2 п.л.);

2. Раскол фракции русских националистов летом 1915 г. // Дни науки исторического факультета. Мат-лы II междунар. науч. конф. молодых ученых, посвященной 65-летию победы в Великой Отечественной войне. Киев, 2010. С. 92–94. (0,2 п.л.);

3. К вопросу о политической идентификации прогрессивного национализма. // Россия и мир в конце XIX – начале XX в. Мат-лы V всерос. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов. Пермь, 2012. С. 14–22. (0,2 п.л.);

4. Прогрессивные националисты: путь в блок и в блоке // Таврические чтения – 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф., С-Петербург, 2013. Сборник науч. статей / под ред. А.Б. Николаева: В 2-х частях. Спб.: Изд-во «ЭлекСис», 2013. Ч. 1. С. 221–228 (в соавт. с М.Н. Лукьяновым). (0,5 п.л./0,3 п.л.).